

Таллинский Университет
Русский Дом. Эстония

РУССКИЕ В ПРИВАТНИКЕ

МОСКВА
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2010

Ревельский транзит: начало эмиграции А. М. Ремизова

С. ДОЦЕНКО (ТАЛЛИН)

Мы тоже коробочку взяли с русской землей...

А. Ремизов

Поездки русского писателя А.М. Ремизова в Прибалтику были эпизодическими. В 1907 г. около месяца (с 26 июня по 25 июля) А. Ремизов с женой, С.П. Ремизовой-Довгелло, провел в Лифляндии (Латвии) по приглашению латышского поэта Виктора Эглитса. Жили они в местечке Цесвайне Мадонского уезда в доме родственников В. Эглитса.¹ Перед отъездом в Петербург Ремизовы три дня провели в Риге, знакомясь с городскими достопримечательностями – парками, церквями, музеями.² Незадолго до поездки Ремизов познакомился в Петербурге с латышским поэтом Карлисом Якобсоном, из уст которого услышал латышскую народную песню (затем он переложил ее на русский язык и включил в свою книгу сказок «Посолонь» под названием «Медвежья колыбельная песня»)³. В 1909 г. Ремизов несколько дней (13-19 августа) провел в Эстляндии, в деревне Мерекюль (Mereküla) на взморье.⁴ В следующий раз судьба привела Ремизовых в Эстонию только в 1921 г., когда Эстония уже была самостоятельным государством, и именно с этого момента начался новый период жизни и творчества Ремизова – эмигрантский.

Вопрос об обстоятельствах, и, самое главное, причинах эмиграции Ремизова до сих пор представляется не до конца изученным, хотя опубликованные биографические материалы (особенно – дневниковые записи писателя за 1917-1921 гг.) дают некоторую почву для предположений и более-менее достоверных выводов. Для большинства друзей и знакомых Ремизова эмиграция писателя стала событием совершенно неожиданным и внешне никак не

1 См. запись Ремизова под 1907 г.: «26. VI- 21. VII. Зесвеген (Лифляндия) на мельнице» (*Ремизов А. Адреса его и маршруты поездок. [1905-1912] (ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 10; Зесвеген (Sesswegen) – немецкое название г. Цесвайне)*). Более подробно о взаимоотношениях Ремизова с латышскими писателями см.: *Спроге Л. А. М. Ремизов в Латвии: В. Дамбергс, В. Эглитс, В. Гусев, И. Павлов, В. Гадалин // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллинн: Авенариус, [1996]. Т. II. С. 158-167; Вавере В., Спроге Л. А. М. Ремизов в латышской литературе: Виктор Эглитис, Антонс Аустриньш, Павилс Грузна // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига: Даугава, 2000. Т. VI. С. 300-314; Sproģe L., Vāvere V. Aleksejs Remizovs (1877-1957) // Sproģe L., Vāvere V. Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras «sudraba laikmets». Rīga: Zinātne, 2002. 50-71. lpp. (см. также «Именной указатель»); *Спроге Л., Вавере В. А. Ремизов в Латвии: Русский писатель в жизни и творчестве Виктора Эглитиса // Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti. A cura di A. M. Gračeva e A. d'Amelia. Pietroburgo; Salerno, 2003. С. 149-162.**

2 А также побывали 21 июля 1907 г. в Майоренгофе (Майори). См.: Ремизов А. Адреса его и маршруты... Л. 10.

3 См.: *Тименчик Р. Д.* Литературные приключения латышской колыбельной // Даугава. 1983. № 9. С. 119-120.

4 См.: Ремизов А. Адреса его и маршруты... Л. 15.

мотивированным. Отчасти это объяснялось тем, что редкие поездки Ремизова за границу до 1917 г. чаще всего были связаны с чисто житейскими обстоятельствами – необходимостью лечения (его самого или жены), но никоим образом не имели какой-либо идеологической подоплеки. Для Ремизова путешествия в Италию или Францию не становились культурологическим фактом и почти никак не отразились в его творчестве (в отличие от А. Блока, Вяч. Иванова, А. Белого, К. Бальмонта и др. символистов) – мы почти не найдем у него «путевых очерков» или произведений на зарубежные темы.⁵ Впечатления и отзывы о Европе у Ремизова скорее ироничные, чем восхищенные. Так, в письме А. Блоку от 8/25 апреля 1911 г. из Парижа Ремизов сообщал:

«Не удивил меня Париж, словно все это видел, и не раз видел, но что меня поразило – это Бельгия, там не мог бы жить: никакого простора, ничего, будто на смех все. <...> На границе Франции вздумали обносить виноградом. Признаться, подумал, что приветствуют гостей, взял для Серафимы Павловны <жена Ремизова. – С. Д.>. А потом потребовали заплатить, этикие! Je suis, je suis, je suis – только и говорю всем, на все вопросы, на все недоумения, на всякую гадость».⁶ А в письме А. Блоку от 11/28 июня 1911 г. из Коппет (Швейцария) он пишет: «Первые дни в этой невыносимо скучной Женеве скучал, как собака. Теперь последние главы „Пруд“ делаю, и не замечаю скуки. <...> Видел Шильонский замок, везде ходил, все трогал: умели люди жить и изводить! Швейцарцы – некрасивый народ, безобразный народ, пугалы какие-то, не лица».⁷ Очевидно, что Ремизов испытывает разочарование и в западноевропейских достопримечательностях, и в красотах природы, а особенно – неприязнь к европейским нравам, всему укладу жизни (примечательны постоянные сетования на житейские неурядицы и неприятности, с которыми Ремизов сталкивался за границей, в частности, на то, как его в Германии и Франции постоянно обсчитывали – надували или, по выражению Ремизова, «грабили»).⁸ От «скучной Женевы» его спасает только творчество – работа над рукописью автобиографического романа «Пруд». На своих современников Ремизов производил впечатление сугубо русского писателя, плохо вписывающегося в европейскую литературную культуру. Не случайно (и симптоматично), что Б. Садовской в рецензии на 8-томное собрание сочинений Ремизова писал: «Как стилист он решительно непереволим на иностранные языки и, как талант, Европе

5 Редкое исключение – рассказ «Божий человек» (1915), навеянный посещением Рима весной 1914 г. Да и то Ремизова более интересуют легендарно-исторические достопримечательности, связанные с апокрифическими лицами, будь то Алексей человек Божий или Симон Волхв (см.: Ремизов А. Среди мурья: Рассказы. М.: Северные дни, 1917. С. 115-120). Или – рассказ «Белое знамя» (1913), о посещении Парижа, где Ремизовы жили с 22 апреля по 4 июля 1911 г. (см.: Ремизов А. Адреса его и маршруты... Л. 15).

6 Блок А. Переписка с А. Ремизовым (1905-1921) / Вступ. ст. З. Г. Минц // А. Блок: Новые материалы и исследование. М.: Наука, 1981. Кн. 2. С. 92. См. также рассказ Ремизова «Белое знамя» (1913), в котором «чужой» Париж парадоксальным образом напоминает автору-рассказчику «свою» Москву: «А помню, как впервые попал я в Париж, ну, как домой, так мне все было близко, и все, как свое, московское» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 3. Окацион. М., 2000. С. 164). «Услышал я звон у св. Сольпиция, так и толкнуло меня, вечеровой звон, всякий вечер когда-то я слушал его, вечеровой наш звон, да скорее по знакомой улице, по Таганке нашей – и с закрытыми глазами дорогу найду!» (Там же. С. 166). «Крестный ход вышел, играли Божьи органы, шли со свечами – свечей много, словно у нас на двенадцать евангелий, на Спасные страсти» (Там же. С. 166).

7 Блок А. Переписка с А. Ремизовым (1905-1921)... С. 96.

8 В частности, в письме А. Блоку он жалуется: «Не успели дня прожить в Париже, уже скандал подняли. Мошеники эти французы, ограбили – взяли 30 frs за то, что переехали мы из одного отеля американского в другой (теперешний), неустойку взяли!» (Блок А. Переписка с А. Ремизовым (1905-1921)... С. 92).

чуждый и ненужный <...>».⁹ «Самобытность» Ремизова как писателя (при всей относительности и субъективности такой оценки) особенно подчеркивалась его постоянным и серьезным интересом к национальному фольклору, мифологии; «этнографизмом» многих его произведений, ориентацией на диалектные слова и выражения, в чрезмерном пристрастии к которым его зачастую упрекали литературные критики.¹⁰ Среди наиболее значимых для Ремизова писателей (и это тоже довольно скоро уловила критика) – скорей «славянофильствующие» писатели, близкие национальной традиции, прежде всего языковой: протопоп Аввакум, Н. Гоголь, Н. Лесков, А. Мельников-Печерский. То есть та литературная традиция, которая осознавалась как менее западноевропейская.¹¹ Примечательно, что представитель другой традиции русской литературы, И. Бунин, сразу почувствовал чуждость ремизовского литературного стиля, ремизовской языковой манеры и довольно резко отзывался о языке произведений писателя.¹²

Поездки в русскую глубинку давали Ремизову в творческом отношении гораздо больше, чем заграничные путешествия: именно там рождались новые идеи, сюжеты (воплощением их стали повести «Неумный бубен» и «Пятая язва», многие рассказы). Характерно письмо Ремизова к И.А. Рязановскому, костромскому книжнику, археологу и историку, от 3 июля 1912 г.: «Хочу в Костроме воздухом – духом русским подышать».¹³ Как ни один из русских писателей начала XX в., Ремизов знал русский быт, русский фольклор, русский язык. И. Эренбург вспоминал: «Ремизов был наирусейшим изо всех русских писателей, а прожил за границей тридцать шесть лет и говорил: „Не знаю, почему так вышло...”».¹⁴

9 Садовской Б. «Настоящий»: (Сочинения А. Ремизова) // Современник. 1912. Кн. V. С. 302. Отметим, однако, что Б. Садовской несколько ошибся: произведения Ремизова довольно много переводили, в том числе – на немецкий, английский, французский, чешский, голландский, японский языки (см.: *Sinany H. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Établie par Hélène Sinany. Paris: Inst. d'études slaves, 1978. P. 87-100*). О переводах произведений Ремизова см.: *Ginsburg M. Translating Remizov // Aleksey Remizov: Approaches to a Protean Writer. Columbus (Ohio), 1987. P. 261-276*. См. также мнение Н. Резниковой, которая в 1950-х гг. перевела произведения Ремизова на французский язык (в том числе – мемуарную книгу «Подстриженными глазами»): «Ремизова было принято считать самым непереводаемым русским писателем, да и сам он так думал. Если творчество Ремизова рассматривать исключительно с точки зрения словесной, то, без сомнения, это так. Однако в произведениях Ремизова существуют другие элементы, поддающиеся переводу» (*Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. С. 118*).

10 В письме Л. Ржевскому (1950-е гг.) Ремизов признавался: «Меня долбят тридцать лет: пишу не по-русски» (*Ржевский Л. Встречи с А. М. Ремизовым // Литературный курьер. 1986-1987. № 12. С. 26*).

11 В эссе о Ф. Достоевском «Звезда-полюнь» (1946) Ремизов изложил кратко и образно свое понимание истории русского литературного языка: «Ходили мы в болгарском платье (XI в.) – с этого начинается история русского слова. Потом нарядят в блестящие церковно-славянские одежды (XVI в.), потом, дубинкой околота драгоценности, заставят напялить тяжелые немецкие камзолы, а потом кургузые прямо из Парижа (XVIII в.). Так и пойдет „русская литература”: кто в лес, кто по дрова (XIX в.). <...> Возрождение начнется символистами, но неудачно: слащавый провинциализм Сологуба, гоголевский копиист со стрекотней Заратустры – Андрей Белый и вроде как по-латыни „пушкинская” проза Брюсова. Всякая попытка искусства слова на Руси глохнет. <...> Искусство – это значит распоряжаться: вертеть и перебрасывать. А как можно что-нибудь передвинуть одеревенелое, искусственно закованное? Мы ведь и думаем-то не по-русски» (*Ремизов А. Собр. соч. Т. 7. Ахру. М., 2002. С. 334*). См. также точку зрения Ремизова на литературный язык русской классической литературы XIX в.: «Россия достойна своего слова – почему же в русских книгах сказывается не по-русски? И то, что считается образцом русской книжной речи, наши классики, написано или по-французски, или по-немецки» (*Ремизов А. Рабочая тетрадь <50-е гг.> // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 213*).

12 Ср. дневниковую запись Ремизова от 14 ноября 1956 г.: «Мой синтаксис приводил его <Бунина – С. Д.> в ярость: безграмотно» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 300*). Впрочем, и сам Ремизов, по свидетельству В. Яновского, «не упускал случая упрекнуть Бунина или Сирина (В.В. Набокова) в незнании русского языка» (*Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 189*).

13 Ремизов А. Письма И. А. Рязановскому (32). 3 сент. 1909-25 сент. 1912 (ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31. Л. 31).

14 Эренбург И. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худ. литература, 1966. Т. 8. С. 436.

Самые трудные годы революции и гражданской войны Ремизовы провели в Петрограде, терпя холод, голод, «трудовые повинности», прочие лишения эпохи «военного коммунизма». Ремизов, всю жизнь страдавший от бытовой неустроенности, бедности, необходимости перебиваться случайными заработками, не позволявшими чувствовать себя вполне обеспеченным, как это ни покажется парадоксальным, принимал такую жизнь как единственно ему предназначенную – как судьбу, которой не миновать. Поразительно его признание, сделанное в гл. «Москва» автобиографической книги «Взвихренная Русь», создававшейся именно в эти трудные годы – 1917-1921 гг.:

«Да, мне не надо никакой этой тишины и ровности, никакого благополучия. Когда я попадаю в провинциальный город, я это всем существом моим чувствую. И если бы какой благожелатель поселил меня в вечную санаторию, чтобы я и пальцем не пошевелил, и все мне будет – и чай и кофе вовремя, и на почту не надо ходить заказные письма сдавать – или такое тихое местечко нашлось бы на земле где-нибудь на Тихом океане – ein ruhiges Plätzchen für brennende Cigarren – или – и было бы это все равно, как если бы приговорили меня к медленной, но верной смерти: я начал бы слоняться, отек и, наконец, заснул бы. Слава Богу, беда всей нашей жизни всегда спасала меня!»¹⁵

Фаталистически воспринимая все житейские тяготы, Ремизов пытался их преодолеть при помощи шутки, озорства, розыгрыша: самые тяжелые и трагические обстоятельства жизни описывались им в шутовском, юмористическом ключе. В. Шкловский приводит пример того, как Ремизов трудную, полную лишений жизнь превращал в забавный случай, анекдот:

«Зимой в 1919 году жил Ремизов в Петербурге, а водопровод в его доме взял да и лопнул. Всякий человек растерялся бы. Но Ремизов собрал у всех знакомых бутылки, маленькие аптекарские, винные и всякие другие, какие попались. Построил он их ротой в комнате на ковре, потом брал по две и бежал по лестнице вниз за водой. При таком способе воду нужно носить для каждого дня неделю. Очень неудобно, но – забавно!»¹⁶ О зиме 1919 г. Ремизов вспоминал: «Зима 19-го года была самой лютой не по морозу, – эка; морозы-то и не такие бывали! – а потому что топить нечем было».¹⁷ Сам Ремизов это свое качество называл «веселостью духа»: «Я не помню себя насупленным, скучным, безулыбным. <...> Веселость духа: это легкое дыхание жизни, смех, а также свет. Без этого света человек чурка (сухарь, брюзга), такие чурки меня называли „шут гороховый“».¹⁸ Об этом же свойстве Ремизова вспоминает Н. Кодрянская: «С юмором, с насмешкой над самим собой, над тем, что ему приходится делать, принимал он все невзгоды <...>».¹⁹

Отношение Ремизова к большевикам, к новой действительности было сложным и неоднозначным. С одной стороны, он сотрудничает в культурно-просветительных учреждениях Петрограда: он член Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса, работает в издательстве «Все-

15 Ремизов А. Собр. соч. Т. 5. Взвихренная Русь. М., 2000. С. 119.

16 Шкловский В. Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени с конца XIX в. по 1962. М., 1964. С. 140.

17 Ремизов А. Взвихренная Русь... С. 243.

18 Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 95.

19 Там же. С. 15.

мирная литература», читает лекции в Толмачевском университете Красной Армии, где силами учеников Ремизова из Толмачевского университета в марте 1921 г. была поставлена его обработка народной драмы «Царь Максимилиан»,²⁰ печатается в различных периодических изданиях. С другой – трагические размышления Ремизова о революции пронизывают и его дневниковые записи 1917-1920 гг., и страницы книги «Взвихренная Русь». В главе «В деревне» он так раскрывает свое понимание цели и смысла революции:

«<...> революция – пробуждение человека
в жестоком дне,
революция – суд человека над человеком,
революция – пожелания человека человеку.
Красна она не судом
– жестокая пора! –
красна озарением
– семенной весенний вихрь! –
пожеланиями человека человеку.
„Взорвать мир!“ – „перестроить жизнь!“ –
„спасти человечество!“
Никогда так ярко не горела звезда –
мечта человека
о свободном человеческом царстве
на земле,
Россия в семнадцатый год!
но и никогда и нигде на земле
так жестоко не гремел погром».²¹

Гуманистический и преобразовательный пафос русской революции поначалу захватывает Ремизова, вселяет в него самые лучшие ожидания: «Помню, когда началось, в каком я был волнении: ответственность, которую взял на себя русский народ, и на мне, ведь, легла тысячапудовая. Что будет дальше, сумеют ли устроить свою жизнь – Россию! – столько дум, столько тревог».²² На протяжении всех лет революции и гражданской войны Ремизов следит за политическими событиями – по газетам, плакатам и объявлениям, вывешенным на улице, по рассказам друзей и знакомых, по случайным уличным разговорам и т. п. Вся эта разноголосица слов, мнений, слухов фиксируется им и затем выплескивается вначале на страницы дневника, а затем – книги «Взвихренная Русь». В этом отношении «Взвихренная Русь» в чем-то напоминает поэму А. Блока «Двенадцать», в которой слышен не только голос автора, но и различные

20 См.: Ремизов 1981: 186; Clark K. Aleksej Remizov in Petrograd 1919-1921: Bard of the Peoples' Theater // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer. Columbus (Ohio), 1987. P. 261-276. В письме Н.В. Зарецкому от 15 августа 1933 г. Ремизов вспоминал: «Мы были на постановке в Петербурге в 1920 г. <ошибка Ремизова. – С. Д.> Впечатление было потрясающее. Зрители плакали» (Морковин В. Приспешники царя Асыки // Československa rusistika. 1969. Т. XIV. № 4. С. 184).

21 Ремизов А. Взвихрённая Русь... С. 77-78.

22 Там же. С. 72.

«чужие» голоса революционного Петрограда. Как и Блок, Ремизов широко использует «язык улицы»: уличные диалоги, плакаты, воззвания, революционные песни, частушки и пр. Здесь можно усмотреть не только типологическое сходство, но и заимствование Ремизовым этого аспекта поэтики поэмы Блока. На это указывает тот факт, что Ремизов одним из первых заметил эту особенность поэмы «Двенадцать»:

«Редкий вечер не говорили мы с Блоком по телефону. Однажды он мне сказал, что слышит музыку и пробует писать. Я понял, он в вихре слов, но каких, я не мог себе представить: революция разнословна. <...> Когда я прочитал „Двенадцать”, меня поразила словесная материя – музыка уличных слов и выражений – подскреб слов неожиданных у Блока. <...> В „Двенадцати” всего несколько книжных слов! Вот она какая музыка, подумал я. Какая выпала Блоку удача: по-другому передать улицу я не представляю возможным!».²³

Но уже в первые месяцы после февральской революции Ремизов видит и обратную сторону революционных событий: ложь и лицемерие партийных лозунгов, насилие, жестокость, страшные последствия разрушительной стихии, каковой ему представляется революция. Идея свободы человека, по мысли Ремизова, обернулась торжеством рабства, еще худшего, чем прежде. Уже 8 марта 1917 г. он пророчески записывает в своем дневнике: «Тогда <г. е. при царизме. – С. Д.> было рабство и теперь тоже. Но теперь рабство худшее».²⁴ 15 июля 1917 г. он вновь возвращается к попытке понять происходящее в России: «А подъяремные рабы рабами и остались. Откуда же рабу и измениться. <...> За эти месяцы столько было совершено насилия и не „темными силами”, а партиями. <...> Да уж худшего, что есть, едва ли и было когда. Реки крови льются; убийства, насилия, грабежи, тюрьмы, каторга, все есть, все, все. Промышленность остановилась, голод, свободное слово задавлено, о совести что говорить, ее нынче никто не признает, да и нет ее. Такая „русская” свобода не дорога. И никто не дорожит ею».²⁵ И, самое главное, Ремизов видит равнодушие к судьбе отдельного человека, во имя которого революция осуществлялась. Размышляя на страницах дневника и «Взвихренной Руси» о русской революции, Ремизов постоянно ставит вопрос о праве человека на личную свободу – право «быть самим собой»,²⁶ не подчиняясь «политической» или «общественной» необходимости, которую олицетворяет революция, «месть, злоба – весь этот вывертжизни и неизбежность».²⁷ В записи, датированной началом 1920-х гг., он предельно просто и откровенно сформулирует свое отношение к революции:

«Революция шла во имя народа для народа – воля народа. И вот достиг народ власти и во главе его стали революционеры. А „подпольный” человек говорит:

– Народ или я?

– Я. И подчиняться „воле народа” не желаю: под ничью дудку или „не-народа” плясать не буду.

23 Кодрянская Н. Алексей Ремизов... С. 103.

24 Ремизов А. Дневник 1917-1921 / Подг. текста и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. 16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 423.

25 Ремизов А. Дневник 1917-1921.юю С. 455.

26 Ремизов А. Взвихрённая Русь... С. 70.

27 Там же. С. 53.

– Враг народа.

– Нет, какой же я враг, но принимаю и это имя во имя свободы моего я».²⁸

Ремизов на собственном опыте убеждается, что новому обществу не нужны ни культура, ни литература, ни писатели и поэты. В книге «Взвихренная Русь» Ремизов описывает последнюю встречу с В.В. Розановым 27 мая 1917 г.²⁹ Разговор касался злободневных политических событий: «О временном правительстве, о псевдонимах, которые верховодят. <...> И о народной темноте и солдатской теми, и о Ленине – о plombированном вагоне, и о дворце Кшесинской, и о даче Дурново, где засели анархисты».³⁰ А затем разговор перешел к вопросу существования культуры, и Розанов вдруг сказал: «Мы теперь с тобой не нужны». И сначала брыкливо, потом горько, а потом покорно: „Не нужны”». ³¹ А в марте 1920 г. та же мысль о ненужности людей культуры возникает у Ремизова после разговора с А. Блоком, который он описывает в очерке «К звездам. Памяти А. А. Блока» (1921):

«<...> Помните, вы сказали, поминая Батюшкова, что мы-то с вами –

– Мы выживем, последние, но если кто-нибудь из нас...

И я в глазах ваших видел, не о себе это вы тогда. Бедный Александр Александрович – вы дали мне папиросу настоящую! пальцы у вас были перевязаны. И еще вы тогда сказали, что писать вы не можете.

– В таком гнете невозможно писать».³²

В годы революции и гражданской войны заниматься и жить литературным трудом Ремизову, как и многим другим писателям, становится все сложнее. 17 июля 1919 г. он записывает в дневнике: «На первом месте: агитационная литер<атура>, затем учебная, потом классики, а потом все мы еще живущие Робинзоны. На жалованье жить невозможно. Надо еще что-то. А печатать не будут. Как же жить-то. Вывезет или пропад?»³³ В книге «Взвихренная Русь» – те же горестные мысли: «В прошлом году <т. е. 1918. – С. Д.>, когда закрыли все „буржуазные” газеты и журналы, это было очень жутко: ведь хоть изредка, а все-таки меня печатали, как гастролера, и тем „пропитание я себе добывал”. Осень и зиму „побирались”, должая, а потом вывернулись – появилось частное книгоиздательство – „девятое чудо света”!³⁴ Но уж все, что получено, проедено. А теперь? Или пропад?»³⁵ Трудности с изданием книг в эти годы Ремизов вспоминает в инскрипте на книге «Сибирский пряник» (Пб.: Алконост, 1919): «<...> Издана в великих затруднениях в 19 году, когда и книги-то не выходили и писать невозможно стало. В самый темный год, доведший нас до Троицкой».³⁶

Запись в дневнике Ремизова от 9 августа 1919 г.: «Боюсь, когда думаю о дровах. А думаю часто: редкий час не думаю. Как будем жить. Вообще вся наша жизнь пугает меня. Утром

28 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 513-514.

29 См.: Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 428.

30 Там же. С. 74.

31 Ремизов А. Взвихрённая Русь... С. 75.

32 Ремизов А. Ахру... С. 6-7.

33 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 486.

34 Ремизов имеет в виду частное издательство «Алконост», основанное С. М. Алянским в июне 1918 г.

35 Ремизов А. Взвихрённая Русь... С. 231.

36 Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992. С. 20.

встаю с отчаянием. Все силы уходят только не на то, чтобы писать, а что-то такое делать, чтобы быть на белом свете. Боюсь. Хватит ли сил на все эти хождения». ³⁷ А в начале ноября он записывает: «А последние дни такие темные. Думал: подам прошение Совет<у> Народ<ных> Комис<саров> расстрелять меня как запаршившую собаку – все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел – один раз в неделю победать». ³⁸ Не без горькой иронии в инскрипте С.П. Ремизовой-Довгелло на книге «Царь Додон» (Пг.: Алконост, 1921), сделанном 8 марта 1923 г., Ремизов вспоминает: «Книжка вышла, когда жили на Троицкой. Рабоч<е>-крест<ьянская> инспекция возбудила дело по заявлению какой-то: „у наших детей нет учебников, а тут какую-то похабщину издают, бумагу тратят“. А писалось давно, в 1907 г. Материалом послужила народная сказка». ³⁹ Речь идет об эротической сказке Ремизова (по выражению неизвестной заявительницы – «похабщина!»), изданной тиражом в 333 пронумерованных экземпляров. С 1919 г. Ремизов издает свои книги либо в издательстве Наркомпроца, либо в «Алконосте» (5 книг), что, разумеется, не давало достаточных средств к существованию. Трагические события эпохи революции – обыски, аресты – Ремизов воспринимал стоически, не без присущей ему «веселости духа». Особенно примечательно то, как он описывает в книге «Взвихренная Русь» одно из таких событий – собственный арест: в ночь на Сретенье (15 февраля) 1919 г. Ремизов был арестован вместе с К. Петровым-Водкиным, Е. Замятиным, М. Лемке, А. Блоком, К. Сюннербергом, А. Штейнбергом, С.А. Венгеровым по делу о ликвидации мятежа «левых эсэров». Арест был вызван недоразумением: петроградская ЧК арестовала всех тех, кто значился в записной книжке Иванова-Разумника, активного сотрудника многих эсэровских изданий. ⁴⁰ Вскоре все арестованные были отпущены благодаря ходатайству М. Горького и А. Луначарского (с Луначарским Ремизов был знаком еще по 1902-1903 гг. – вместе отбывали ссылку в Вологде). Но дело могло кончиться не столь благополучно, и даже трагически. В книге «Взвихренная Русь» этому эпизоду Ремизов посвятил целую главу под откровенно иронически-пародийным названием: «Лошадь из пчелы – хождение по Гороховым мукам б. канцеляриста и трех кавалеров обезвелволпала» (тем самым включив рассказ об аресте и пребывании на Гороховой в ЧК в контекст своей обезвелволпальской мифологии). Вся история приобретает характер трагикомический, фарсовый, ибо Ремизов всячески подчеркивает (а то и вовсе придумывает) анекдотические моменты – забавные штрихи вовсе не смешной истории.

Начинается рассказ об аресте «Донесением старейшему князю обезьяньему Павлу Елисеевичу Щеголеву», из которого следует, что «по замыслу нечистой силы или от великого ума человеческого произведен был обыск в Обезьяньей-великой-и-вольной-палате и забран б. канце-

37 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 486. См. также в книге «Взвихренная Русь»: «Хожу в страхе: думаю о дровах. Чем будем топить? Редкий час не думаю. И как будем жить? Встаю поутру с отчаянием. Все силы уходят на то, чтобы что-нибудь достать из еды и как-нибудь быть на белом свете» (Ремизов А. Взвихренная Русь... С. 232).

38 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 487. См. также в книге «Взвихренная Русь»: «Ожесточенные мысли приходят мне в ожесточении моем, отчаянии и унынии. Все мое время уходит на добычу, а венец дел – раз в неделю победать. Подумал: „подам прошение в Совнарком – расстрелять меня, как запаршившую собаку: все равно, ни толку от меня, ни пользы!“» (Ремизов А. Взвихренная Русь... С. 234).

39 Цит. по: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки... С. 21.

40 См. подробнее: Иванова Е. Об аресте Александра Блока в 1919 году // Филологические науки. 1992. № 4. С. 108-112.

ляррист обезвелволпала».⁴¹ «Б. канцелярист Обезвелволпала» – это сам А. Ремизов. Арестованы были кавалеры обезьяньи, а также «епископ обезьянский Замутый» (писатель Е. Замятин). Особенно комично выглядят опасения «б. канцеляриста» Ремизова по поводу того, что обезьяньи грамоты, написанные на глаголице, вызовут подозрения у ЧК как зашифрованные документы заговорщиков.⁴² В книге воспоминаний «Петербургский буерак» этот эпизод освещен также не без игровой иронии:

«Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке. Обезьянье делопроизводство велось не на кириллице, всем понятной, на ней пишут книги и прошения, а на „глаголице“, о которой редко кто слышал. При обыске обратили внимание на фигурки – ничего понять невозможно. Сам нарком по просвещению Луначарский не понимает! Будь это в Москве, с Каменевым легко поладить, но в Петербурге Зиновьев. Пришлось подымать Горького и научить его ответу. И Горький объяснил Зиновьеву, что фигурки – глаголица, а глаголица не шифр, не криптография, тайнопись, а буквы нашей первой азбуки».⁴³ Заканчивается «Донесение» констатацией того факта, что «во время допроса у одного из потерпевших съедены были котлеты, хранящиеся на случай в портфеле»⁴⁴

Описывая этапирование арестованных из здания Совдепа на Гороховую, Ремизов и его превращает в анекдот:

«И действительно, стражи набралось что-то не мало: и милиционеры, и красновардейцы, и еще с Гороховой какие-то. Но должно быть, все это только для виду – опытный глаз Яшки Трепача не ошибался! – нас посадили в трамвай, на прицепной. И везли до самой Гороховой на трамвае. А от трамвая шли мы врассыпную. И это совсем не то – не та картина! – и встреча, никто не сказал бы про нас, как недавно еще говорили про „книгочия василеостровского“, встретив его на Большом Проспекте, окруженного матросами: вел он матросов показывать Публичную Библиотеку: „Якова Петровича, – говорили с сокрушением, – видели, говорят, на Большом Проспекте, борода развевается: вели его, несчастного, матросы расстреливать!“»⁴⁵

Трагикомичность ситуации в том, что когда библиотекарь Публичной библиотеки Я. П. Гребенщиков вел матросов на экскурсию, это вызвало слух о его расстреле. Когда же красновардейцы вели действительно арестованного Ремизова со товарищи, это вовсе не напоминало конвоирование арестованных «врагов революции». Ремизов нарочно подчеркивает карнавальную сторону ситуации, играя на контрасте между трагическим «возможным» и комическим «реальным». Все повествование о «гороховых муках» строится на колебании между двумя полюсами – трагического и комического, серьезного и фарсового.⁴⁶ И откровенно балагурный тон ремизовского рассказа вдруг сменяется на исключительно драматичный и горький:

«Когда я поднимался по сводчатой лестнице мимо подстерегающих пулеметов, я представ-

41 Ремизов А. Взвихрённая Русь... С. 209.

42 Там же.

43 Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2003. С. 256.

44 Ремизов А. Взвихрённая Русь... С. 209.

45 Там же. С. 215-216.

46 Показательно, что само выражение, восходящее к названию улицы, на которой находилось печально известное учреждение (петроградская ЧК), вызывает амбивалентные ассоциации: от трагических – до комических (ср., например: «шут гороховый»), на что наверняка рассчитывал Ремизов.

лял себе, что может чувствовать человек, никогда не проходивший ни через какие лестницы, ни в какие тюрьмы – а ведь кажется, никого не оставалось из живущих в Петербурге, кому не суждено было за эти годы пройти через сыпняк или по этой лестнице!»⁴⁷ Ремизов, не принимавший насилия и жестокости, в ожесточении и отчаянии вдруг готов был оправдать самое бесчеловечное насилие. Об этом свидетельствуют в чем-то страшные размышления на страницах дневника. 5 августа 1920 г. он записывает: «Последнее время думал много о всех событиях наших и всего мира. М<ожет> б<ыть> иначе нельзя. Нельзя, невозможно, чтобы ч<еловеческая> порода добровольно пошла по-другому в царство духа. Надо насилие, огонь, надо утратить, гнать человечество. <...> Инквизиция огнем думала спасти душу человека; а я думаю террором – уздой декретов – можно спасти человечес<тво> – вывести его на новую дорогу».⁴⁸

Как нам представляется, эта и многие другие дневниковые записи свидетельствуют если не о кризисе, переживаемом писателем, то, по крайней мере, о горьком скептицизме в отношении гуманной сущности человека и всего общества. Зима 1919-1920 гг. была столь же тяжелой, что и предыдущая. 6 февраля 1920 г. в письме Н.Г. Виноградову Ремизов сообщает:

«Часто за зиму думал о Вас, а ведро, бочка и кастрюли всякий божий день напоминают. Всю зиму воды не было и теперь нету. Как прожили, один Бог весть. <...> Очень за зиму измучился. Придешь домой, за кухню и стал я уж нынче и водонос, и кухон<ный> мужик, и судомойка, и младший дворник и еще, и еще, и еще не перечислишь. На письмо времени и не стало».⁴⁹

В это время у Ремизова и появляется мысль уехать из России, хотя бы на время – для лечения и поправки здоровья. В январе 1920 г. через М. Горького он обращается в СНК: «Прошу разрешить мне и жене моей временно выехать за границу. Тяжелая болезнь моя – обострившиеся припадки круглой язвы желудка с кровавыми рвотами – лишает меня возможности работать. Сколько было сил, я все делал, и обессилел совсем, а лечиться невозможно. Оба мы обузой стали. У жены моей желчно-каменная болезнь. 14. I. 1920. Петербург. Алексей Ремизов, С. Ремизова-Довгелло».⁵⁰ 20 апреля 1920 г. Ремизов обратился за помощью к старому знакомому, В.А. Карпинскому, видному деятелю партии большевиков, члену редколлегии газеты «Правда» (1918-1927), редактору газеты «Деревенская беднота» (1918-1922), члену ВЦИК:

«Дорогой Вячеслав Алексеевич!

Измучился я за эти последние годы и изболелся, и уж не пишу, как мне положено, а Бог знает, что делаю – все делаю, потому и писать ни духа, ни часа нет. Хочу просить Вас, помогите мне: поговорите с кем это надо! – отпустить меня и жену мою (С.П. Ремизову-Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы. Из последних сил хожу и все делаю. Измаяно сердце, ноги, дых и мысли. Телесная страда моя (язва желудка) истощила последние силы. А я должен много ходить и 6-ой этаж безводный и все повинности, требующие крепкие руки. И я только прошу на теплые летние месяцы отпустить. Просил я через Горького Луначарского – никакого

47 Ремизов А. Взвихрённая Русь... С. 216.

48 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 492.

49 Цит. по: Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 535.

50 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 413.

ответа нет. Вячеслав Алексеевич, сделайте что-нибудь – устройте, чтобы разрешение нам дали за границу выехать. Алексей Ремизов».⁵¹

Но все прошения о выезде за границу остались безрезультатными. В следующем 1921 г. Ремизов вновь пытается получить разрешение на выезд. 7 марта 1921 г. он пишет А.Г. Глебову:

«Просьба к Вам, научить, какое надо подать прошение Чичерину о загранице – отпустить нас за границу. (Не могу, от головы погибаю, а голова от суеты – хожу, как в чалме, и это всю зиму). И можете ли вы передать Чичерину это прошение. Напишите на Наркоминдел Серафиме Павловне, а то очень долго идут письма. Я просил бы отпустить нас с правом вернуться».⁵²

При посредничестве Горького и Луначарского Ремизов получает разрешение «времено выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т.к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния».⁵³

Обратим внимание, что во всех прошениях речь идет о временном выезде, «с правом вернуться». Об этом Ремизов пишет и в автобиографии 1923 г. (написанной в Берлине): «В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский много мучился, вынужден был р е м е н н о уехать из России».⁵⁴ Более чем вероятно, что Ремизов эмигрировать навсегда не собирался. Об этом свидетельствует дневниковая запись К. Федина (от 2 января 1921 г.):

«А.М. Ремизов, ежась от вечного холода и внутренней дрожи, с лицом юродиво-верующего, говорит потихоньку:

– А я вот счастлив, очень счастлив, что всю революцию просидел в Петербурге. Ну, что они поразъехались по заграницам, что они там видят, с кем живут? Мне их жалко. Вот Алексей Толстой. Отказался бы от своего графа и жил бы тут. Ведь он это понимает, что не в графе дело, а вот поди... Пропашие они, эмигранты...»⁵⁵ К этим словам К. Федин сделал примечание: «Все это говорил Ремизов не только мне: почти дословный разговор с ним передавал мне М. Зощенко уже после „побега“ Р<емизова> за границу».⁵⁶

По-видимому, слухи о «бегстве» Ремизова за границу имели хождение в Петрограде, и именно в связи с неожиданностью самого отъезда, многим казавшегося необъяснимым. Показательны воспоминания В.В. Смиренского, познакомившегося с Ремизовым в 1920 г. и довольно часто встречавшегося с писателем, но знавшего его сравнительно плохо: «И революцию он не принял. Несмотря на то, что наша страна относилась к нему бережно и любовно, окружив его вниманием и заботой (ему была предоставлена казенная квартира, он бесплатно получал все газеты и журналы, его сочинения печатались, как и прежде), несмотря на все это, Ремизов

51 Там же. С. 414.

52 Там же.

53 Письмо на бланке Наркомпроса РСФСР за подписью А. Луначарского (см.: *Ремизов А. Дневник 1917-1921...* С. 414).

54 Цит. по: *Ремизов А. Избранное*. Л.: Лениздат, 1991. С. 552 (выделено А. Ремизовым).

55 *Федин К. А. Из трех петроградских дневников 1920-1921 годов* / Публ. Н. К. Фединой и В.В. Перхина, коммент. В.В. Перхина // *Русская литература*. 1992. № 4. С. 154.

56 *Федин К. А. Из трех петроградских дневников...* С. 162.

прожил несколько лет в Петрограде внутренним эмигрантом и при первом подвернувшемся ему случае бежал за границу».⁵⁷

Комментарий В. Смиренского к отъезду А. Ремизова обнаруживает явную тенденциозность и переключается в стиле и тоне с официальной реакцией: 10 сентября 1921 г. в «Красной газете» автор, скрывшийся за криптонимом В-Кн., обрушился на Ремизова с обвинениями достаточно лживыми:

«За границу удрала группа писателей. Между прочим, и г. Ремизов. А прежде, чем удрать за границу, г. Ремизов пользовался вот какими льготами и преимуществами: В 1-м отеле ему была предоставлена лучшая, роскошно меблированная квартира. В отеле центральное отопление, но Ремизову были поставлены отдельные печи; дрова в течение года давались ему в изобилии. Он один в отеле пользовался отдельной прислугой; ему была предоставлена лошадь для разъездов за пайками; „Севцентропечать” предупредительно снабжала его газетами и журналами. Все это – за г о с у д а р с т в е н н ы й с ч е т».⁵⁸

Столь же упрощенно объяснял отъезд Ремизова Ю. Анненков, хотя и с «другого берега»: «Ремизовы покинули убитую Россию, перебравшись сначала в Берлин, до 1923-го года, потом – в Париж, навсегда. Мотивы эмиграции были те же, что и у большинства других. Кто мог смыться – смылся. С горечью, с болью расставаний, со страхом за будущее».⁵⁹

Ремизов уезжать навсегда – эмигрировать – не хотел, несмотря на лишения и тяготы жизни. Уже в конце жизни он говорил мемуаристке, Н.В. Резниковой, что будь он один, он никогда бы не уехал из России: «Я все равно не пропал бы, жил бы в щели... Нашелся бы кто-нибудь, ну, красноармеец, или другой... кормили бы меня... но Серафима Павловна очень мучилась от лишений, от невозможности в тех условиях заниматься своим делом (археология, палеография, русская история). Она все время болела, не могла лечиться, ей трудно было переносить – холод, голод, бесправие – как она часто повторяла...».⁶⁰ Там же Резникова цитирует личные записи Ремизова: «В ночь перед отъездом, 5-го августа: „как не хотелось уезжать. Всю ночь продумал: не хотелось. Но потом как оборвало, а у С.П. открылось на границе: ей так не хотелось расставаться”».⁶¹ Мысль о возможном скором возвращении в Россию не покидает Ремизова в первые два года эмиграции. Уже в октябре 1921 г., только приехав в Берлин, Ремизов в письме старому другу Л. Шестову сообщает: «В Россию тянет. Знаю, невозможно, пока. <...> Очень мне тут всех жалко. Все, как нищие без надежды поправиться, а вид делают д<руг> перед д<руг>ом, что ничего и нагишом ничего».⁶² 21 января 1922 г. в письме С.М. Алянскому: «Я себя за эмигранта не считаю, а лишь за временно живущего вне России, как на санатории для восстановления потерянных сил».⁶³ 24 февраля 1922 г. Реми-

57 Смиренский В. Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е. Обатниной // Лица: Биографический альманах. 7. СПб., 1996. С. 171.

58 В-Кн. [Князев В. В.] Литературные новости // Красная газета. 1921. 10 сент. № 186 (1062). С. 4.

59 Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. [Л.], 1991. Т. 1. С. 225.

60 Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. С. 61-62.

61 Там же. Огненная память... С. 61.

62 Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1993. № 1. С. 170.

63 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 415.

зов пишет тому же адресату: «В Петербург мы собираемся. Надо придумать тогда, как квартиру достать».⁶⁴

В это же время М.О. Гершензон пишет Л. Шестову из Москвы (26 февраля 1922 г.): «От Ремизова получил одно письмо из Берлина, насчет его арестованных рукописей, не знаю, искренно ли он пишет, что хочет скоро вернуться».⁶⁵ Представляется, что это желание, пусть практически и неосуществимое, было вполне искренним. Впрочем, в письме Гершензона Л. Шестову от 16 июля 1923 г. находим и иное настроение Ремизова: «Посмотрел я жизнь наших в Берлине – Ловцких, Ремизовых, Лазарева и др.: не многим легче московской (я говорю только о внешнем). И притом призрачно, пустынно, одиноко. И странно: после всех жалоб, все без исключения настойчиво советовали мне не ехать в Россию, особенно Ремизов <...>».⁶⁶ Возможно, мысль о временном выезде за границу и скором возвращении объясняет, почему Ремизовы не взяли с собой единственного ребенка – дочь Наташу, жившую в имении Берестовец (Черниговской губ.) с сестрами С.П. Ремизовой-Довгелло. При всей неясности и запутанности сведений о семейных отношениях Ремизовых⁶⁷ представляется не очень достоверной точка зрения как Н.А. Ремизовой, так и ее окружения, что родители отнеслись к ней равнодушно и якобы просто «забыли» взять ее с собой.⁶⁸ Косвенно об этом свидетельствует такой факт: находясь в Берлине, Ремизов ходатайствовал о разрешении на въезд в Россию. 1 октября 1923 г. он и С. П. Ремизова-Довгелло получили «Разрешения на въезд в Россию», выданные Консульским Отделом Полномочного Представительства РСФСР. А 30 октября 1923 г. Ремизов получил вид на жительство за № 817, выданный консульством РСФСР.⁶⁹

Но вернемся к августу 1921 г. В дневнике Ремизова предельно кратко фиксируются события отъезда и пересечения границы с Эстонией. 5 августа Ремизовы так и не уехали, поезд отправился с Балтийского вокзала лишь 6 августа, в 11.00. 7 августа поезд прибыл в Ямбург, где Ремизовы прождали сутки, до 8.00. следующего дня. 9 августа в 11.00. вечера приехали в Нарву, где только вечером 10 августа были помещены в карантин.⁷⁰ И пятидневная дорога до границы, и пересечение границы России с Эстонией, и пребывание в нарвском карантине оставили у Ремизова тяжелые воспоминания:

«Утром до обеда меня гоняли на вокзал выгружать багаж (11. VIII). Переходил по мосту через Нарову – это для меня такой ужас: что хотите, только не переходить мост...»; «12. VIII – заставили мыть пол. Мне это ничего не значит, я и натирать могу. Только бы не переходить мост!».⁷¹ О днях, проведенных в нарвском карантине, Ремизов вспоминал и в 1940-х гг.:

«Это как после пожара в глазах огонь – такое я увидел в карантине в Нарве, куда попали мы

64 Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 415.

65 Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920-1925) / Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Париж: Atheneum, 1988. Вып. 6. С. 249-250.

66 Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову... С. 288.

67 См.: Бунич-Ремизов Б.Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.: Изд-во «Д. Буланин», 1994. С. 267-272.

68 Там же. С. 270-271.

69 См.: Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 415.

70 Там же. С. 501.

71 Цит. по: Резникова Н. В. Огненная память... С. 61.

из России в августе 1921 г. Особенно мне памятни танцы: молчаливо-кружащиеся пары. Мне казалось, что прожитые годы в Революцию забили рты на клей: какое жуткое молчание с невыбивающимися словами из-под. И тоже особенно памятно: звероподобный начальник с лицом расплюснутым масляным, – он танцевал всякий вечер. Остановившийся огонь в глазах и разочарование: карантин на две недели – каторга! Те же самые порядки, от которых, думалось, наконец-то, избавился. Тягчайшее воспоминание».⁷²

15 августа 1921 г., уже находясь в карантине, Ремизов узнал о смерти А. Блока – 7 августа.⁷³ С этого момента два события – день смерти Блока и день оставления им России – оказались связаны воедино и приобрели символический смысл: это день смерти, конца одной жизни и начала другой. В книге воспоминаний «Подстриженными глазами» Ремизов так будет описывать это событие:

«И разве могу забыть я холодный августовский вечер. А это было в день смерти Блока. Наш телячий поезд по пути к Нарве, нейтральная зона: на той стороне солдат в щегольской английской форме, сапоги по пояс, а на этой – наш русский. И каким нищим показался мне этот красноармеец. И вдруг я услышал за спиной голос: „Прощайте, товарищ!“ И этот голос прозвучал отчетливо, в нем было такое кипящее – из рассеченного сердца последним словом. И на это последнее слово – Россия! – я весь вздрогнул. Я видел, как красноармеец как-то с затылка неловко снял свой картуз, я видел, обернувшись, – я встретил, и не забуду, глаза – дальше и сверху глядели они, горя, и я узнал этот голос, я его слышал однажды: этот голос – над раскрытой могилой».⁷⁴ Расставание с Россией для Ремизова было равнозначно смерти, как он писал в очерке о Блоке «Десять лет» (1931): «<...> Потому что день смерти Блока – это тот день, когда мы ступили на чужую землю, в этом наша общая судьба: расстаться с Россией...».⁷⁵ Тот же мотив прозвучит в очерке о Блоке «По серебряным нитям (Лития)», написанном к 25-летию со дня смерти поэта:

«7 августа Блок покинул землю. И в то же самое утро – 7-го – „утро туманное, утро седое“ – на рубеже мы прощались с русской землей. Блок в путь „вся земли“, наша дорога в чужие – и среди своих и среди языка чужого».⁷⁶

С начала эмиграции и до конца жизни Ремизов будет ощущать себя: «странником с русской земли».⁷⁷ 22 августа вечером Ремизовых выпустили из карантина, и утром 23 августа они приехали в Ревель. 2 сентября русская газета «Свободное слово» сообщила о приезде Ремизова в Ревель. По свидетельству той же газеты, от интервью Ремизов отказался, сославшись на нездоровье.⁷⁸ Поселились Ремизовы на ул. Поска, 15. Но уже 6 сентября разразился скандал, связанный с сотрудничеством Ремизова и ревельского издательства «Библиофил», владельцем которого был А. Орг.

72 Цит. по: Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 539 (прим. 167).

73 См. запись в дневнике от 15 августа 1921 г.: «Узнали о смерти А. А. Блока» (Ремизов А. Дневник 1917-1921... С. 501).

74 Ремизов А. Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 14-15.

75 Ремизов А. Петербургский буерак... С. 333.

76 Там же. С. 335. (впервые: Советский патриот. 1946. 9 авг. № 54)

77 Там же. С. 337.

78 См.: Свободное слово. 1921. 6 сент. № 118.

6 сентября 1921 г. ревельская эстонская газета «Päevaleht» напечатала заметку «Спекуляция на голоде» («Spekulatsioon näljaga»⁷⁹), в которой содержались обвинения в адрес А. Орга: якобы тот, будучи эстонским консулом в Петрограде, за мизерный гонорар приобрел у А. Ремизова право на издание его книги «Шумы города» всего за 5000 эстонских марок (при том, что тираж книги составил 3000 экземпляров, а цена книги – 75 марок). Орг обвинялся в мошенничестве и спекуляции на безвыходном положении русских писателей в Петрограде. В заметке упоминалась и аналогичная история с покупкой «Библиофилом» рукописей книг А. Амфитеатрова «Зачарованная степь» и «Василий Буслаев».⁸⁰ Ремизов сразу же выступил в защиту А. Орга, опубликовав «Письмо в редакцию».⁸¹ Через день это же письмо было напечатано на русском языке:

«Прошу напечатать разъяснение мое о „Библиофиле“, о котором написано в Päevaleht № 236 от 6 – IX. – Spekulatsioon näljaga – Нет, конечно, за книгу мою „Шумы города“ дает мне „Библиофил“ не 5.000 м., а 5.000 м. за л и с т <разрядка Ремизова. – С. Д.>. А о петербургской истории „Библиофила“ – как „Библиофил“ рукописи собирал, позвольте тоже поправить. В июне А.Г. Орг предложил мне за мою книгу 1/2 мил. сов. руб. за лист. Полмиллиона за лист – это гонорар, превышавший всякие гонорары: и советский Госизд. в 30.000 р. за лист, и наш союзный Петербургского отделения Всероссийского союза писателей в 200.000 р. за лист. Я принял предложение Орга с благодарностью. Я помню, получив авансом л и м о н (1 миллион руб.) – вот этакую кипу – полный портфель! – купили мы сахару (1 ф. – 30.000 р.), масла (1 ф. – около 30.000 р.), баранок (16. – 1.500 р.) и такой вечер справили, ну, как в старое время где-нибудь в Москве дружная семья воров на Хитровке. Пили чай с сахаром, с баранками, поминали добрым словом Орга. Ревель, 6 – IX. 1921. Алексей Ремизов».⁸² Недоразумение, таким образом, было разрешено.

Другое важное событие ревельского периода жизни Ремизова – его авторский литератур-

79 См.: Spekulatsioon näljaga // Päevaleht. 1921. № 236, 6. IX.

80 В издательстве «Библиофил» вышли 2 книги Амфитеатрова: *Амфитеатров А. Зачарованная степь*. [Рассказы]. Ревель: Библиофил, 1921; *Амфитеатров А. Василий Буслаев*. Представление в 4-х действиях. Ревель; Берлин: Библиофил, 1922.

81 См.: Päevaleht. 1921. № 238, 8. IX.

82 *Ремизов А. Письмо в редакцию // Последние известия*. 1921. № 219, 9 сент. В защиту А. Орга выступил также А. Амфитеатров: «В прошлом июле, после трехлетнего полного отсутствия литературного заработка, я вдруг получил возможность продать за границу, в ревельское издательство „Библиофил“, свою повесть „Зачарованная степь“ и драматическую рапсодию „Васька Буслаев“. Расчет произведен был по советской валюте, следовательно, в миллионах, или в „лимонах“, как выражался в переговорах со мною тогдашний дипломатический представитель Эстонии в Петрограде и один из директоров „Библиофила“ А. Г. Орг. Кстати, раз к слову пришлось, воспользуюсь случаем опровергнуть очень гадкую сплетню, пущенную об этом человеке его ревельскими политическими противниками – именно по поводу приобретенных им рукописей петроградских писателей. Сплетня, к сожалению попавшая и в печать, уверяла, будто г. Орг скупал наши работы в порядке „спекуляции на голоде“ и меня, например, вынудил отдать ему целый роман за три пуда ржи. Это безусловная клевета. Г. Орг платил и мне, и другим писателям, договоры которых мне известны (напр., Вас. Ив. Немирович-Данченко), по норме, проецированной Московским профессиональным союзом писателей, в 500 000 рублей за лист, а за „Ваську Буслаева“ я получил гораздо больше, по миллиону за акт. Расплата была произведена с рукописи, и без нее я и до сих пор сидел бы в советском пленении, потому что только этими деньгами я мог покрыть часть колоссальной суммы, которая потребовалась для устройства нашего – шести душ – бегства из Петрограда и которую я осужден, надо думать, еще долго-долго выплачивать» (*Амфитеатров А. Советские узлы: Очерки и воспоминания 1918-1921*) // Руль. 1921. 2 дек.). Издательство «Библиофил» напечатало книгу Вас. И. Немировича-Данченко «На кладбищах: (Воспоминания)» (Ревель: Библиофил, 1921).

ный вечер, состоявшийся 16 сентября 1921 г. в зале Эстонского Национального Музея. Авторский вечер Ремизова нашел отклик на страницах эстонских газет и журналов,⁸³ а за день до вечера газета «Päevaleht» напечатала заметку о Ремизове и интервью с ним.⁸⁴ Подробный отчет о вечере напечатала русскоязычная газета «Последние известия». Автором его был Ярослав Воинов (писавший в газете под псевдонимом «Яровой»). На основании заметки Я. Воинова «Белое сердце» можно частично реконструировать программу вечера – Ремизов читал свои новые рассказы, составившие затем книгу «Шумы города»: («Голодная песня», «Белое сердце», «Звезды» «Свет слова», «Заборы»),⁸⁵ а также свои более ранние вещи из книги сказок «Посолонь» (1907): «Калечина-Малечина», «Кострома», автобиографический рассказ «Богомолье». На вечере присутствовало около 150 слушателей, и, судя по отчету, он прошел с успехом: «И были слезы, и была тишина в зале даже в минуты, когда молчал творец, перебирая страницы после прочитанного только что рассказа».⁸⁶

«Дальше – „Семидневец“, ряд рассказов вне тяжелых петербургских лет, иногда вне самой России. <...> И снова слова – как стоны, стоны – как призыв подняться над землю к примиряющим ласковым звездам, к радости будущей. Ремизов сам обрывает эту цепь страданий. Улыбается ласково. Он прочтет теперь знакомые большинству свои старые сказки про „калечину-малечину“, про „костромушку-кострому“. Спойет колыбельную „медведевым деткам“ <...> Всемогущество художника, только что поселившего боль в каждом сердце, сумело и отнять эту боль веселыми ритмами, словечками радостной детской забавы, прибауткой и баюканием. И снова просьбы слушателей: еще, еще!».⁸⁷

Весьма эмоциональная заметка Я. Воинова содержит как ценные наблюдения непосредственного очевидца – слушателя чтения Ремизова,⁸⁸ так и довольно тенденциозное восприятие Ремизова-писателя, якобы бежавшего от ужасов большевизма: «Нужно радоваться, что тяжелая чаша новой зимы „под большевиками“ миновала писателя, что не будут трескаться от холода его руки, держа перо, а усталым плечам не придется ныть под тяжестью советской драгоценности – несъедобной картофельной гнили».⁸⁹ Излишний (хотя и вполне объяснимый) политический пафос автора заметки, злоупотребляющего политической риторикой, все-таки не смог поглотить непосредственного художественного впечатления от литературного вечера замечательного (как это подмечает Я. Воинов) русского писателя – А. Ремизова. В Ревеле в 1921 г. вышли две книги Ремизова: «Шумы города» и «Огненная Россия». Кроме того, несколько его произведений были напечатаны в ревельских русских изданиях: «Четвертый круг»,⁹⁰ «О чело-

83 См.: *Kruus R. Remizov, Kussikov, Pilnjak ja teised // Keel ja kirjandus.* 1983. № 5. lk. 257.

84 М. Aleksei Remizov // *Päevaleht.* 1921. № 245, 15.IX.. Отчет о вечере Ремизова см.: *ArA*[Artur Adson?]. Aleksei Remizovi õhtu // *Tarapita.* 1921/1922. № 2. lk. 55-56.

85 См.: *Ремизов А.* Шумы города. Ревель: Библиофил, 1921.

86 *Яровой* [Я. Воинов] Белое сердце // *Последние известия.* 1921. № 30, 22 сент.

87 Там же.

88 Вслед за многими современниками он отмечает мастерство Ремизова-чтеца: «Ремизов – изумительный чтец. Не нужно ни занимательной фабулы, ни театральных эффектов передачи, чтобы слушать его часами...» (Там же).

89 Там же.

90 *Последние известия.* 1921. № 245, 9 окт.

веке, звездах и о свинье»,⁹¹ «Слово о погибели Русской земли».⁹² Тогда же вышел на двух языках (русском и эстонском) сборник «Arpi! – На помощь!», в котором были напечатаны рассказы Ремизова «Добрый приставник» и его же перевод на русский язык текста эстонского гимна.⁹³ Добавим, что кроме публикации в журнале-альманахе «На чужбине», остальные (как и письмо в редакцию «Räevald») не учтены библиографами Ремизова,⁹⁴ впервые они введены в научный оборот эстонским литературоведом Р. Круусом.⁹⁵ Это же относится к переводам на эстонский язык сказок Ремизова «Вор Мамыка», «Воры», «Барма» (переводчик – эстонский писатель А. Кивикас), «Пупочек» и «Змей».⁹⁶

18 сентября 1921 г. Ремизовы уехали в Берлин, где начался двухлетний «берлинский» период эмиграции. Но «ревельский след» дал о себе знать и в Берлине. О нем идет речь в письме И.И. Фондаминского Ремизову от 6 октября 1921 г. (из Парижа): «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, я дал две телеграммы Влад. Мих. Зензинову в Ревель с просьбой прислать Вашу большую повесть. Он ответил, что Ваша повесть где-то затеряна. Теперь мы прослышали, что Вы в Берлине и очень просим Вас нас не забывать. Как только Ваша повесть будет выручена, пришлите, пожалуйста, нам. Мы Вам ответим очень скоро и надеемся, что повесть пойдет в журнал; а потом Вы сумеете издать отдельно».⁹⁷

В письме Фондаминского под «повестью» подразумевается роман Ремизова «Плачущая канава» (другое название: «Ров львиный»), над которым Ремизов работал в 1914-1918 гг. Вопрос с публикацией романа не был решен до отъезда Ремизова за границу в августе 1921 г., ему пришлось оставить в России все творческие рукописи, в том числе – и рукопись романа «Ров львиный» (который получил тому времени новое название – «Плачущая канава»).

Сам Ремизов в мемуарной книге «Петербургский буерак» эту историю описал так:

«Единственный экземпляр, рукопись «Плачущая канава», пропала. Взялся ее перевезти за границу один добрый человек, на границе обыск, а вез он драгоценности, и моя рукопись у него под жемчугами, жемчуг забрали, а с жемчугом и рукопись прощайте».⁹⁸

«Один добрый человек», имени которого Ремизов не называет, – это и был консул Эстонской республики и владелец издательства «Библиофил» А. Орг, у которого рукописи Ремизова были реквизированы на российско-эстонской границе. За помощью Ремизов обратился к М. Горькому. Сохранилось ответное письмо Горького от 9 февраля 1922 г.:

«Дорогой Алексей Михайлович!

Если я напишу Менжинскому о Ваших рукописях, а они – на грех – окажутся у него, он их съест. Да, да, – сожрет, ибо таковы взаимные наши отношения. Но я думаю, что рукописи не у

91 На чужбине. 1921. № 1. С. 23-24.

92 Последние известия. 1921. № 297, 10 дек. С. 2-3.

93 См.: Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918-1940: На материале периодической печати. Tallinn, 2001. С. 78.

94 См.: Sinany H. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Établie par Hélène Sinany. Paris: Inst. d'études slaves, 1978.

95 См.: Kruus R. Remizov, Kussikov... lk. 256-258.

96 Там же. С.258.

97 Amherst. Remizov papers. Box 1. F. 1.

98 Ремизов А. Петербургский буерак... С. 281.

него, а у Леонида Старка в Ревеле, – я что-то смутно слышал об этой истории с Вашими рукописями и о Ревеле. Так вот что: отнесите прилагаемое письмо Ивану Павловичу Ладыжникову и попросите его отослать оное в Ревель Леон.<иду> Никол.<аевичу> Старку. Этот Старк когда-то пробовал писать стихи и был – а надеюсь и останется – искренним Вашим поклонником. В Ревеле он – дипломат: представитель Сов.<етской> России. И, конечно, имеет прямое отношение к Ос.<обому> Отделу».⁹⁹

В конечном итоге рукописи оказались у Л.Б. Каменева и при посредничестве А.И. Рыкова,¹⁰⁰ А.К. Воронского и А.А. Аросева были возвращены автору. Об этих рукописях идет речь и в письме Б. Пильняка Ремизову из Ревеля от 10 апреля 1922 г.: «Узнал у Воронского, что через Воронского – Аросева – Вам – рукописи Ваши посланы».¹⁰¹ Сохранилось также недатированное письмо Аросева начала 1922 г., в котором сообщалось: «Написал в Москву в Н<ародный> К<омиссариат> И<ностранных> Д<ел> (с приложенной копией списка): просьбу вернуть рукописи. Разумеется, это протянется долго, т. к. А. Ремизов имел несчастье связаться с известным грабителем <нрзб.> Орг'ом <...>. Сей муж как — — выкачивает наше рабочее золото... Надо подальше от него. Это же обстоятельство [знакомство с Оргом] играет роль весьма отрицательную и в вопросе о возвращении А. Ремизова в нашу землю».¹⁰²

В 1922 г. Ремизов попытался опубликовать переработанный роман в советском издательстве «Круг», однако этому воспрепятствовала цензура.¹⁰³ В 1923-1924 гг. под редакционным названием «Канава» три части романа были опубликованы в журнале «Русская мысль».¹⁰⁴ Публикация прекратилась в связи с закрытием журнала. Четвертая часть под названием «Ров львиный» была напечатана в 1926 г. в журнале «Воля России».¹⁰⁵ Ремизов не раз затем делал попытки издать роман полностью, но при жизни писателя это намерение так и не было осуществлено.¹⁰⁶

99 Там же. С. 282. Л. Н. Старк (1889-1937) был в 1921-1923 гг. советником полпреда РСФСР в Эстонии, в 1923-1924 гг. – полпредом в Эстонии.

100 См. письмо А. И. Рыкова Ремизову от 27 марта 1922 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович! Ко мне обратились в Берлине от Вашего имени с просьбой найти отобранные у какого-то жулика на границе с РСФСР и принадлежащие Вам рукописи и литературный материал. Настоящим препровождаю их Вам и надеюсь, что при обратном возвращении в Россию Вы не будете прибегать к содействию сомнительных лиц. А. И. Рыков» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 4. Плачужная канава. М., 2001. С. 528).

101 Учитель или подмастерье? Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Д. Кассек // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 255.

102 Учитель или подмастерье... С. 257. Об А.А. Аросеве, советском партийном деятеле и писателе (см.: Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 1. Стб. 697; Русские писатели, XX век. Библиографический словарь: В 2 ч. М.: Просвещение, 1998. Ч. 1: А-Л. С. 84-86), Ремизов вспоминал: «С Аросевым я познакомился в Берлине, он издал свои рассказы и пришел к нам с книгой. Потом в Париже, советник посольства, редко, но все-таки заходил на Ав. Mozart, всегда приносил новые книги из России. А потом его сделали послом в Праге <...>. А какая судьба Аросева? Старый большевик, в чистку попал в „троцкисты“, сослан в Сибирь, а потом – дальше и не знаю» (Ремизов А. М. Петербургский буерак... С. 230-231). В действительности А. Аросев 10 февраля 1938 г. был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда. В книге «Ахру» Ремизов упомянул Аросева в числе талантливых московских писателей (см.: Ремизов А. Ахру... С. 20, 22).

103 Свет увидел лишь отрывок в кн.: Литературная Россия: Сб. современной русской прозы / Под ред. В. Лидина. М., 1924. Т. 1.

104 См.: Русская мысль (Прага; Берлин). 1923. № 1/2. С. 46-89; 1923. № 3/5. С. 52-75; 1923. № 6/8. С. 62-110; 1923-1924. № 9/12. С. 29-60.

105 См.: Воля России. 1926. № 5. С. 37-74.

106 Полностью роман Ремизова был напечатан в изд.: Ремизов А. Плачужная канава: Роман / Подгот. текста, ст., коммент. А. М. Грачевой // Ремизов А. Собр. соч. Т. 4. Плачужная канава. М., 2001. С. 279-452.

Ремизовы прожили в Берлине с 19 октября 1921 г. по 5 ноября 1923 г. Все это время Ремизов активно участвовал в литературной жизни русской колонии, печатался в берлинских газетах и журналах («Русская книга», «Жар-птица», «Сполохи», «Дни», «Новая русская книга»), переиздал ряд своих прежних сочинений и выпустил несколько новых книг.¹⁰⁷

Но и в этот период мысль о невозможности для русского писателя (каковым все время осознавал себя Ремизов) эмиграции не оставляют его. В очерке «К звездам» (1921) он мысленно обращается к Блоку:

«А знаете, это я теперь узнал за границей, что для русского писателя тут, пожалуй, еще тяжче, и писать не то что невозможно, а просто нечего: ведь только в России и совершается что-то, а тут – для русского-то – пустыня. Уйти временно в пустыню, конечно, для человека полезно, в молчании собрать мысли – ведь нигде, как в пустыне, зрение и чувства остры. – и Гоголь уходил в римскую пустыню для „Мертвых душ”. Тоже и поучиться следует, и есть чему, на камнях-то Европы – „одним х...м (хоботом) мазать невозможно!”, – правильно Толстой заметил Алексей Н. Только вот насчет прокорму – писателям и художникам везде приходится туго! – надо какую-то работу, а всякая посторонняя работа, вы-то это хорошо знаете, засуетит душу. И выйдет то же на то же. И если судьба погибнуть, так уж погибать там у себя, на миру в России».¹⁰⁸ А в книге «Ахру. Повесть Петербургская» (1922) скажет: «<...> Русскому писателю да еще в такую пору – столпотворенную – без России никак невозможно».¹⁰⁹

К проблеме эмиграции Ремизов обращается и в гл. «Россия» книги «Кукха», где ведет диалог с уже покойным В.В. Розановым. Главная его тема – необходимость оставаться в России, «в страде смертельной со всеми, со всей беднотой, и с „убогими”».¹¹⁰ И приходит к выводу: «Русскому человеку никогда, может быть, так не было необходимо, как в эти вот годы (1917-21) быть в России».¹¹¹ Самый печальный вывод, который делает Ремизов из опыта недолгого пребывания в эмиграции, заключается в том, что свободу и покой на чужбине обрести невозможно:

«Мы, Василий Васильевич, бесправные тут. Я это тогда еще почувствовал, как из Ямбурга в Нарву попал, на самой границе, когда с нашим красноармейцем мы, русские, простились, а те свой гимн запели. И уж молчок – ни зыкнуть, ни управы искать. А в карантине сидя, на ка-торжном-то положении, стало мне совсем ясно, а когда из карантина на волю выпустили, не только что ясно, а несомненно».¹¹² С этим наблюдением перекликается и одно из немногих ре-вельских впечатлений: «Первое впечатление в Ревеле в церкви: все стояли понуро, униженные. „Как, – подумал я, – разве русские должны быть такие: русские должны стоять гордо!”»¹¹³

Горестные размышления Ремизова со всей очевидностью показывают, что политические

107 О берлинском периоде жизни и творчества Ремизова см.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921-1923: По материалам архива Б. Н. Николаевского в Гуверовском ин-те. Париж: YMCA PRESS, 1983. С. 165-175; *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Ed. L. Fleishman. Stanford, 1999. С. 145-176.

108 *Ремизов А.* Ахру... С. 7.

109 Там же. С. 18.

110 Там же. С. 80.

111 Там же. С. 79.

112 Там же. С. 80.

113 *Ремизов А.* Дневник 1917-1921... С. 515; см. также: *Ремизов А.* Взвихрённая Русь... С. 280.

события для него – это тот мощный вихрь, который захватывает отдельно взятых людей и, помимо их воли и желания, переворачивает их жизнь, заставляя покинуть родину: «Дом – Россия. Эта несчастная политика все перекрутила и перепутала».¹¹⁴

Оказавшихся в эмиграции (и прежде всего себя самого) Ремизов называет «несчастливыми», ибо «на всем свете не легкая доля».¹¹⁵ Глубоко символично, что свою автобиографическую книгу «Учитель музыки», посвященную жизни в Париже в 1920-1930-е гг., он сопроводил подзаголовком: «Каторжная идиллия».¹¹⁶

114 Ремизов А. М. Ахру... С. 81.

115 Там же. С. 80.

116 См. также: «Я как-то понял, что все мы здесь на каторге, и притом на бессрочной каторге. Для меня вдруг осветились многие из наших поступков, только и объяснимые нашим бессрочно-каторжным состоянием» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 9. Учитель музыки: Каторжная идиллия. М., 2002. С. 348).